

В. П. Поршнеv

Музей-грот гностика Эпифана Александрийского

Анализируется фрагмент сочинения Климента Александрийского «Строматы», в котором рассказывается о посмертном апофеозе гностика Эпифана и воздвигнутом в его честь святилище Муз на о. Кефалления, в соответствии с древнейшей функцией античных Мусеев – храмов памяти, мемориалов древних героев и выдающихся современников.

Ключевые слова: Эпифан, Климент Александрийский, Кефалления, Музей, гностицизм

Valery P. Porshnev

Gnostic Epiphanes of Alexandria's cave museum

In article is analyzed the fragment of the composition of Clement of Alexandria («Stromata»), in which it is told about posthumous deification of Gnostic Epiphanes, and about the sanctuary of Muses, erected in his honor on the Kefalleniya, according to the most ancient function antique Museum (Mouseion) – temple of memory, memorial of ancient heroes and outstanding contemporaries.

Keywords: Epiphanes, Clemens of Alexandria, Kephallenia, ancient Museum, Mouseion, gnosticism

Александрийский гностик Эпифан, сын другого знаменитого проповедника гностицизма – Карпократ, остался в истории благодаря обширным выдержкам из его сочинения «О справедливости», которые приводит Климент Александрийский¹. Излагаемые там идеи весьма радикальны. Неравенство, высшим проявлением которого стала частная собственность, есть результат искажения божественного замысла злыми силами. Все должно быть общим, включая женщин, которые имеют право сами выбирать мужчин, руководствуясь принципом справедливости. Не должно быть никаких запретов, препятствующих проявлению природных инстинктов, главным из которых является инстинкт продолжения рода.

Отметим, что карпократиане не поднимали восстаний против существующего миропорядка, но проповедовали свои идеи мирно. Это подтверждают свидетельства античных ересиологов, Иренея Лионского² и Эпифания Кипрского³. Современные исследователи также больше подчеркивают не социальный, а сакральный характер гностического либертинизма⁴.

Эпифан прожил всего 17 лет и пользовался такой популярностью, что после его преждевременной кончины поклонники и ученики стали почитать его как бога и возвели в его честь Музей в городе Сама, на острове Кефалления (современное название – Кефалония)⁵.

Речь идет не просто о поклонении человеку как богу, хотя и этот момент смущает исследователей, поскольку гностики все-таки были монотеистами, точнее – моноуалистами. Данный термин означает признание двух божественных сил, темной и светлой, но объектом поклонения является светлый бог, творец духовных сущностей,

оказавшихся в плену материи⁶. Мало того, поклонение Эпифану принимает традиционную форму со всеми присущими языческому культу атрибутами, как-то: наличие храма, священных участков, алтарей для жертвоприношений, практики возлияний и исполнения гимнов. Иногда слово Музей (Mouseion) употребляется как наименование учебного заведения, и в данном случае можно было бы представить школу, где последователи Эпифана изучали и комментировали изложенные им в трактате идеи переустройства человеческого сообщества. Но Музей это и языческое святилище с обязательными статуями Муз и алтарем.

Некоторые исследователи отвергали Эпифана как историческую личность. Аргументация сводилась к следующим положениям⁷. Невозможно в семнадцать лет обладать необходимой базой для написания философского труда. Далее: празднества в Саме совершались, якобы, в честь лунного бога Эпифана (Epiphaneis, букв.: явленный) и были связаны с рождением новой луны (новолуние). Но такой бог неизвестен, имя Эпифан достаточно распространено в древности, а с новолуния начинался каждый месяц в греческих календарях. Сегодня историчность Эпифана сомнению не подвергается, хотя по-прежнему критически оценивается факт его обожествления⁸.

Между тем христианские авторы II–III вв. недвусмысленно пишут о фактах обожествления идеологов и вождей гностических сект. Рассказывая о секте, современной Карпократу и Эпифану, так называемых элесеях, Эпифаний Кипрский пишет, что сектанты поклоняются как богиням двум пророчицам из рода основателя секты⁹. Егезипп¹⁰, сетует на то, что в его время смертным ставят кенотафы (памятники

посмертного культа не на месте захоронения) и храмы (заупокойного культа).

Статуи и кенотафы можно было сооружать во дворах частных домов и усадеб, принадлежавших сектантам, а поклонение обожествленным пророкам и пророчицам осуществлять в местах тайных молитвенных собраний. Но Климент пишет о целом храмовом комплексе. Возвести такое святилище тайно, без разрешения властей, было бы невозможно. Но и получить разрешение было невозможно без официального признания культа нового бога. О введении общегосударственного культа (*sacra publica*) речь вообще не может идти. Это было прерогативой Сената¹¹. Правда, в 130 г., можно сказать на глазах карпокрatian, император Адриан, находившийся тогда в Александрии, добился обожествления Антиноя. Но нужно было обладать авторитетом и властью Адриана, чтобы преодолеть сопротивление Сената¹². Современник апофеоза Антиноя Юстин прямо пишет, что Антиноя обожествили со страху, хотя знали, кто он и откуда¹³.

Переходя от общегосударственных к местным (муниципальным) культам, отметим, что на этом уровне было больше возможностей легализовать святилище. Сама была самоуправляющимся городом, ее власти имели полномочия учредить местный культ. Скорее всего, культ не бога, а героя. Поскольку героям, как и богам, приносились жертвы, читались молитвы и пелись гимны, в глазах христиан это было формой идолопоклонства. В глазах же язычников героем мог считаться тот, чей отдаленный предок происходил от богов. А к таковым всегда причисляла себя местная аристократия. Достоверным кажется предположение, что мать Эпифана, уроженка Кефаллени Александра (Александрейя) направилась в Александрию Египетскую, привлеченная слухами об учителе гносиса, вступила с ним в связь и родила сына. Только у девушки из аристократической семьи, получившей домашнее образование, знакомой с греческой философией и, вероятно, переживавшей период «богоискательства», могла появиться мысль уехать из дома для приобщения к столь интеллектуальной религии, как гностицизм.

Поэтому, скорее всего, она и была инициатором апофеоза сына на своей родине. Апофеоз Эпифана более всего подходит под разработанное римскими правоведомы понятие частного культа (*sacra privata*). В этом случае богослужебные действия осуществлялись у могилы или кенотафа, и если таковые находились за пределами городской черты, возведение построек при них было допустимо. Почитатели Эпифана могли получить разрешение властей на строительство, учредив погребальную коллегию. Что касается гностических сект, отношение к ним римских властей было более терпимым, чем к приверженцам ортодоксии¹⁴.

О времени смерти пережившего своего сына Карпократа можно построить предположение лишь на основании фрагмента из Иренея Лионского. Он сообщает, что при папе Аникете (Аницете) в Рим прибыла преданная последовательница Карпократа, некая Марцеллина, и «совратила многих»¹⁵. Если соотнести возвращение Александры на родину и переезд Марцеллины в Рим со смертью Карпократа и распадом его секты, то, зная годы понтификата Аникета (154/155–165/166), мы получаем последние годы правления императора Антонина Пия или самое начало царствования Марка Аврелия.

При том, что карпокрatianе составляли замкнутую общину, они не чуждались культурной жизни города. Период расцвета Карпократа приходится на последние годы правления Адриана, что соответствует последнему расцвету Александрии. Пережив в 117 г. тяжелое потрясение, захваченный и разграбленный отрядами еврейских мятежников, восставших против римского господства¹⁶, город постепенно залечивает раны.

Музей и Библиотеку возглавлял в те годы секретарь Адриана, Луций Юлий Юстин (Вестин)¹⁷. Зимой 130/131 г. император лично встречался с учеными Мусея и вел с ними беседы¹⁸. По его настоянию в сообщество служителей Мусея были включены друзья императора, софисты Дионисий Милезийский и Полемон Смирнский¹⁹. Они прославились частыми выступлениями перед публикой. То же можно сказать о поэте, астрологе и маге Панкрате Аркадском, получившем членство в Мусее за свое стихотворение, восхвалявшее Антиноя²⁰. К тому же времени относится деятельность грамматика Птолемея Хенна.

Христианская община в Александрии жила в относительно мире с властями. Свидетельство Евсевия Кесарийского²¹ напоминает нам, какую конкуренцию встретила Церковь со стороны гностических школ. В Александрии же тогда конкурировали не только с Церковью, но и между собой, почти одновременно возникшие школы Василида и Карпократа.

Василид начал проповедовать чуть раньше, в разгар Второй Иудейской войны (133 г.)²². Интересно, что его школа была организована по типу языческих пифагорейских союзов²³. Последователи Василида действовали в Александрии совершенно открыто, не скрываясь от властей. Так же и Карпократ проповедовал открыто и даже устраивал магические сеансы для привлечения слушателей²⁴. Праздная александрийская публика воспринимала их как нечто обыденное на фоне общей интеллектуальной атмосферы города, где нормой жизни были всевозможные публичные лекции, диспуты, экзотические обряды.

Однако затем совершается исход гностических проповедников из города. Первым покинул

Музей-грот гностика Эпифана Александрийского

Александрию ученик Василида Валентин, который в начале 140-х гг. переехал в Рим, где основал собственную школу²⁵. Спустя примерно десять лет в Рим переезжает карпократианка Марцеллина. Если сопоставить эти факты с гипотетическим возвращением на Кефаллению Александры, матери Эпифана, основание Мусея следует отнести к началу или к середине 150-х гг. Равно вероятно, что Александра привезла туда урну с прахом сына или же установила в святилище кенотаф. Гностики, при их негативном отношении к телесному воплощению души, проявляли не меньшую заботу о погребении тела, чем язычники, иудеи и христиане²⁶.

Поскольку описание Климента Александрийского представляет собой простое перечисление компонентов, для реконструкции храма нам следует соотнести сведения из «Стромат» с топографией острова, а также прибегнуть к сравнительному анализу, взяв, в качестве аналогов, известные нам древние герооны, Мусеи, Нимфеи. Перечисление, сделанное Климентом, показывает совершенно типовой характер святилища. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить подобный список, приводимый Дионисием Галикарнасским, когда он сравнивает религиозные традиции греков и римлян²⁷.

Как и любой античный храм, святилище имело внешнюю, огороженную территорию. Множественное число от *temenos* (священный участок), употребляемое Климентом, обычно обозначает священную рощу, окружавшую собственно храм. Следовательно, культ Эпифана справлялся за городом. Посреди рощи находился заупокойный храм, отличительной особенностью которого, по Клименту, были каменные глыбы (*hieron gythōn lithōn*). Прилагательное *rhytos* имеет два значения: привезенный издалека (от *erhūeō*), и нависающий (букв. «текучий», от *rheō*). Первое вряд ли подходит для небольшого острова, где собственные запасы строительного камня столь велики, что не было необходимости доставлять тяжелые плиты из дальних мест. Второе может указывать на массивный каменный свод. Уникальная особенность острова – бесчисленные пещеры и гроты. Отметим широко известные (и расположенные в непосредственной близости от Самы) грот Дрогарати, где в древности было языческое святилище с вырубленной лестницей для паломников, и Мелиссани – пещеру, посвященную Пану, с подземным озером и нависающим каменным сводом со световым отверстием посередине. Нерукотворный каменный свод оставляет впечатление обработанных камней, которые ниспадают сверху (*rhytoi*) как струи воды.

У Климента Александрийского говорится о гробнице и Мусее как об отдельных сооружениях. Можно предположить два рядом расположенных грота, один из которых вмещал гробницу или ке-

нотаф, другой был посвящен Музам. Поскольку Климент употребляет глагол *oicodomeō*, указывающий на вмешательство строителей, можно предположить выдолбленные ниши, расширенные отверстия входов, каменные лестницы (как в Драгарати). Грот Эпифана, в этом случае, использовался исключительно для поминовения, в то время как грот-Мусей мог служить для медитаций, или для сексуальных оргий (если верить тому, что пишут о гностиках христианские авторы).

Но темная и сырая пещера, даже обработанная строителями, плохо подходила для таких интеллектуальных занятий, как изучение трудов Эпифана и Карпократа. Если Мусей был еще и гностической школой, логичнее предположить снаружи экседру (каменную скамью), где сидели слушатели.

В качестве приблизительного аналога святилища в Саме мы можем привести храмовый комплекс в Миезе (Македония). Речь идет о Нимфее (святилище нимф), в котором, за четыреста пятьдесят лет до появления школы Карпократа, Аристотель обучал молодого Александра Македонского.

Согласно Плутарху, Аристотель преподавал в святилище нимф, неподалеку от Миезы, где имелись каменные скамьи (*hedrai lithinai*) и тенистые портики (*hyposcioi peripatoi*)²⁸. Археологические раскопки выявили два грота в скалах, к которым эти портики были пристроены. Скамьи стояли перед ними. Не претендуя на абсолютную точность, сравнение Нимфея в Миезе и Мусея на Кефаллению позволяет представить гностическое святилище хотя бы приблизительно.

Если стены Мусея-грота, в их нижней части, обрабатывались (глагол *oicodomeō*), там можно было поставить бюсты в нишах. О карпократианах говорили, что они чтут изображения Христа, но одновременно ставят изображения Пифагора, Платона, Аристотеля²⁹.

О том, что гностики не гнушались вкушением жертвенных даров, имеется много свидетельств. Объясняются подобные действия не верой в языческих богов, а особым типом поведения, который можно охарактеризовать как «мимикризм» гностической религии. Гностик Марк говорил о возможности для владеющего тайным знанием избежать за свои проступки небесного суда³⁰, но его слова можно применить и ко взаимоотношениям с земными властями. Василид, современник и конкурент Карпократа, откровенно учил вкушать идоложертвенное и отрекаться от веры во время гонений³¹. Гностик Валентин проповедовал свой пантеон из тридцати богов, зонов и небес³². Ипполит Римский, рассказывая о гностической секте наасенов, говорит, что ее адепты заимствовали свои обряды из самофракийских и элевсинских мистерий³³. Также гностики оправдывали свое участие в принесении жертв императору, заявляя, что поклоняются его

ангелу-хранителю³⁴. В магических заклинаниях гностики употребляли имена языческих богов и богинь³⁵. Следовательно, обряды, совершаемые, согласно Клименту, поклонниками Эпифана, не являлись чем-то исключительным для гностической религии.

Как долго просуществовало святилище на Кефалении? Климент пишет о нем в прошедшем времени. С другой стороны, Эпифаний Кипрский утверждает, что храм Эпифана сохраняется вплоть до его лет (до эдикта Феодосия Великого 391 г., запретившего нехристианские богослужения)³⁶. Мы не знаем, бывал ли сам Эпифаний на Кефалении, но не исключено, что, кроме «Стромат», он пользовался еще каким-то источником. Значит, вероятно, и столь длительное существование Мусея.

Если же отвергнуть свидетельство Эпифания, конец богослужений в Мусее-гроте приходится на рубеж II–III в. Причиной его исчезновения в этом случае могло стать усиливающееся давление властей, вылившееся в две волны преследований, коснувшихся как ортодоксальных христиан, так и сектантов. Первая падает на годы правления Марка Аврелия (161–180). Вторая, гораздо более сильная, прокатилась по римским провинциям после прихода к власти Септимия Севера (193–211). Неисключено и стихийное бедствие. Кефаления часто испытывала разрушительные землетрясения.

В любом случае мы имеем культурный феномен, демонстрирующий нам не только удивительную гибридную форму религии, но и малоисследованную на сегодня разновидность античного святилища Муз. А именно – Мусей-мемориал, посвященный памяти выдающейся личности, прославившейся за пределами родины предков философским трудом, занявшим свое место среди многочисленных свитков Александрийской Библиотеки.

Примечания

¹ Климент Александрийский. Строматы. СПб., 2003. Т. 1. С. 456–459, 408–411.

² Ириней Лионский. Опровержение всех ересей // Ириней Лионский. Творения. М., 1996. С. 93.

³ Эпифаний Кипрский. Панарий // Эпифаний Кипрский. Творения. М., 1863. Т. 1. С. 182–184.

⁴ См.: Родин Е. В. Гностический этос и нравственная метафизика Л. П. Карсавина. Тула, 2006; Его же. Гностический этос в либертинистском направлении. URL: <http://nordxp.3dn.ru> (дата обращения: 06. 04. 2016).

⁵ Климент Александрийский. Указ. соч. С. 456, 408.

⁶ См.: Светлов Р. В. Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика. СПб., 1996.

⁷ См.: Николаев Ю. В поисках за божеством: очерки из истории гностицизма. СПб., 1913. С. 279–281.

⁸ См.: Wase H. A Dictionary of Christian biography and literature to the end of the sixth century A. D. Grand Rapids: Christian Classics Ethereal Library. P. 490–491. URL: <http://ccel.org> (дата обращения: 06. 04. 2016); Афонасин Е. В. В начале было Слово...: античный гностицизм в свидетельствах христианских апологетов. СПб., 2002. С. 264–265.

⁹ Эпифаний Кипрский. Творения. М., 1863. Т. 2. С. 423–425.

¹⁰ Евсевий Кесарийский. Церковная история. Кн. IV, 8, 2. URL: <http://azbyka.ru> (дата обращения: 06. 04. 2016).

¹¹ Тертуллиан. Апологетик. Кн. V, 1. URL: <http://mstud.org> (дата обращения: 06. 04. 2016).

¹² Элий Спартиан. Жизнеописание Адриана // Властелины Рима. М., 1992. С. 19.

¹³ Памятники древней христианской письменности. М., 1862. С. 66.

¹⁴ Там же. С. 63.

¹⁵ Ириней Лионский. Указ. соч. С. 94.

¹⁶ Dio Cassius. Historia Romana. Cambridge, 1925. Vol. 8, LXVIII, 32–33.

¹⁷ Inscriptiones Graecae. Berlin, 1878. Vol. 3. P. I.

¹⁸ Элий Спартиан. Указ. соч. С. 17.

¹⁹ Flavii Philostrati vitae sophistarum. Heidelberg, 1838. I, 524, 533.

²⁰ Афиней. Пир мудрецов. М., 2010. Т. 2. С. 405.

²¹ Евсевий Кесарийский. Указ. соч. 7, 1–2.

²² Eusebii Pamphili. Chronicon bipartitum Graeco-Armeno-Latinum. Venetiis, 1818. 2149.

²³ Евсевий Кесарийский. Указ. соч. 7, 1–2.

²⁴ Там же. 7, 9.

²⁵ Ириней Лионский. Указ. соч. С. 225.

²⁶ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М., 2005. Т. 1. С. 98.

²⁷ Там же.

²⁸ Плутарх. Александр // Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994. Т. 2. С. 119–120.

²⁹ Ириней Лионский. Указ. соч. С. 59–60.

³⁰ Евсевий Кесарийский. Указ. соч.

³¹ Там же.

³² Эпифаний Кипрский. Творения. Т. 1. С. 278–281.

³³ Hypopoliti refutatio omnium haeresium sive in Sanctam Theophaniam Philosophumena. Oxonii, 1851. V, 8–10.

³⁴ См.: Пантелеев А. Д. Римская империя в зеркале гнозиса // История: мир прошлого в современном освещении. СПб., 2008. С. 372.

³⁵ Петров А. В. Теургия: социокультурные аспекты возникновения философски интерпретированной магии в античности. URL: <http://svitk.ru> (дата обращения: 06. 04. 2016).

³⁶ Эпифаний Кипрский. Творения. Т. 1. С. 353–355.